

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Максимилиан Фреттер-Пико

НЕМЕЦКАЯ ПЕХОТА. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ВЕРМАХТА

**ПЕХОТНЫЕ ДИВИЗИИ В ВОЙНЕ
ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

1941–1944

Максимилиан Фреттер-Пико
Немецкая пехота.
Стратегические ошибки
вермахта. Пехотные
дивизии в войне против
Советского Союза. 1941-1944
Серия «За линией
фронта. Военная история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5825495

Немецкая пехота. Стратегические ошибки вермахта. Пехотные дивизии в войне против Советского Союза. 1941-1944: Центрполиграф;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9524-5073-8

Аннотация

Генерал артиллерии, в 1942–1943 годах командующий оперативной группой «Фреттер-Пико» на Украине, Максимилиан Фреттер-Пико посвятил свою книгу описанию ряда сражений на Днепровском плацдарме, в Крыму и на западной территории при отступлении немецкой армии в Молдавию, Венгрию и Румынию.

Это рассказ о немецких дивизиях, фактически ставших жертвой ошибочной стратегии Верховного командования, неправильно применявшего пехоту в боевых операциях, о распылении сил на обширном Восточноевропейском театре военных действий, недостатке резервов, постоянном перенапряжении солдат в изнурительных пеших маршах на бесконечных восточных просторах при так называемой стратегии запрета на отступление, что привело в итоге к массовой гибели пехотинцев.

Содержание

Предисловие	5
Ускоренное обучение на родине весной 1941 г.	9
Отправка на фронт	
Противник на обширном пространстве Востока	23
I	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Максимилиан
Фреттер-Пико
Немецкая пехота.
Стратегические ошибки
вермахта. Пехотные
дивизии в войне
против Советского
Союза. 1941-1944**

Предисловие

Во время войны германское Верховное командование фактически неправильно применяло пехоту, что выразилось в том, что пехотные дивизии больше не рассматривались как основа вермахта, которую необходимо оберегать. Несмотря на то что эти соединения были хуже одеты, вооружены и оснащены, Верховное командование, не раздумывая, возлагало на них все более тяжелые задачи. Происходила

массовая гибель пехотинцев из-за злополучной так называемой стратегии запрета на отступление и постоянных отказов в ответ на все более настоятельные требования предоставить пехоте свободу действий для проведения продуманных, осмысленных боевых операций. Пехотные дивизии стали жертвой революционного, форсированного развития материальнотехнической составляющей вооруженных сил, для которого не оказалось достаточных сил и средств. Поэтому против этого выступил мужественно, но безрезультатно главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник барон фон Фрич, незабываемый по-рыцарски честный солдат, крупный деятель в области воспитания и подготовки военных кадров, павший в бою (он был первым немецким генералом, погибшим во Второй мировой войне – в Польше в сентябре 1939 г. – *Пер.*). То же сделал проницательный, сознававший свою ответственность начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Бек, ушедший из жизни 20 июля 1944 г. (покончил с собой после подавления заговора против А. Гитлера, в котором он принял участие. – *Пер.*). Они были убеждены в настоятельной необходимости создания и развития соответствующими темпами танковых войск тактического и оперативного назначения и сильных военно-воздушных сил. Однако при этом основой вермахта должны были остаться оснащенные современным оружием пехотные дивизии. Под руководством начальника Генерального штаба вермахта, возникшего из Ге-

нерального штаба сухопутных войск, должно было обеспечиваться *необходимое единое командование*, но этого не пожелал диктатор (то есть Гитлер. – *Ред.*).

Можно обоснованно спросить, не использовались ли танковые войска и военно-воздушные силы столь же неадекватно? Не должны были и они тоже выполнять чрезмерно трудные задачи? На эти вопросы следует ответить утвердительно. Однако здесь причины заключались не в *недооценке!* Что касается танковых войск, их перенапряжение и неадекватное введение в бой оказались следствием недооценки значения пехотных дивизий. Они должны были выступать в роли «пожарной команды» на фронтах, где складывалась тяжелая обстановка. Вследствие «стратегии запрета на отступление» их боевая сила не могла больше вводиться в бой на основе целесообразности, хотя Верховное командование пыталось поддерживать эти войска на высоком качественном уровне в том, что касается личного состава, вооружения и техники. Причина перенапряжения военно-воздушных сил лежала также в ошибочных решениях в процессе их строительства и развития.

Каждый читатель-фронтовик может сделать эти выводы из своего боевого опыта.

В двадцати приведенных в книге описаниях сражений и боев с обобщением опыта и знаний отражены стойкость и мужество пехотных и егерских дивизий на Восточноевропейском театре военных действий. При этом показано, как

высшее командование в условиях, когда ему нужно было решать сложные проблемы, в каждом случае могло полагаться на подчиненные ему войска при выполнении трудных задач. Мне хорошо известно, что опыт и знания Второй мировой войны во многом устарели из-за технического прогресса. Однако они по-прежнему могут вызывать интерес. *Я считаю вполне возможным, что даже сегодня хорошо продуманная импровизация с использованием высокого искусства командования, присущего прошлой стадии развития вооруженных сил, до определенной степени может нивелировать преимущества технического превосходства.* «Только лишь потому, что настоящее основывается на опыте прошлого, у этого настоящего есть гарантированное будущее» (барон фон Штайн).

Ускоренное обучение на родине весной 1941 г. Отправка на фронт

В середине апреля 1941 г. после двадцатилетней службы в Генеральном штабе, имея универсальную подготовку, я сменил род деятельности и отправился в войсковую командировку, приняв в звании генерал-майора командование 97-й легкой дивизией в Бад-Тельце (в Южной Баварии. – *Ред.*). Наступил долгожданный момент – я стал командиром общевойскового соединения, пехотной дивизии! Сознавая большую ответственность за выполнение трудной задачи, я энергично приступил к ее выполнению. Естественно, я не подозревал, какие трудные времена ждали меня впереди, в войне в России. Если совсем не принимать во внимание огромную физическую нагрузку, которую такой командир испытывал в этой войне, никто не может измерить нагрузку на душевные силы и совесть командира, если он не пережил этого. Ее нельзя увидеть и обработать статистически – ежедневный износ нервов, неслыханное напряжение из-за непомерной ответственности, которая возрастает по мере повышения воинского звания.

В Бад-Тельце штаб находился в центре расположения дивизии. Штаб был превосходно организован. Начальником оперативного отдела штаба был майор Белитц, мой первый

советник. Любимец всей дивизии, он был предупредительным и любезным ко мне, так что я в равной мере испытывал чувство доверия к нему. Я не разочаровался в нем: он был превосходным работником, на которого можно было положиться в штабной работе, и всегда думал о благополучии войск. Однако и ко всем другим сотрудникам моего штаба я всегда испытываю благодарность за их безупречную и бесперебойную работу.

97-я легкая пехотная дивизия состояла из 204-го и 207-го егерских полков, 81-го артиллерийского полка с семью батареями 105-мм легких гаубиц на конной тяге и двух моторизованных батарей 150-мм тяжелых полевых гаубиц 97-го разведывательного отряда на велосипедах, 97-го саперного батальона, 97-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона с 37-мм противотанковыми орудиями, 97-го отряда связи, 97-го полевого резервного батальона, а также санитарной, ветеринарной служб и службы снабжения. Штурмовые орудия и противотанковые орудия на самоходных лафетах отсутствовали. Комплектование егерских частей происходило в основном за счет уроженцев Верхней Баварии, которые уже служили в горнопехотных полках, – настоящие, выносливые и надежные баварские горцы. Один егерский батальон пополнялся выходцами из Северной Германии, в основном Гамбурга. Они быстро адаптировались и были такими же подвижными и выносливыми, как их баварские товарищи, с которыми они превосходно находили об-

щий язык. Артиллерийский дивизион состоял из баварцев и бранденбуржцев – превосходное сочетание. Все другие подразделения комплектовались за счет баварцев. Эта дивизия считалась баварской, ее эмблемой были петушиные перья. (Легкая пехотная (*нем.* *Leicht-Infanterie-Division*) предназначалась для действий в труднопроходимой местности (леса, болота и т. п.) и поэтому имела меньшую численность (действующих полков всего два), облегченное вооружение и тыл. Представляла собой равнинный аналог горной дивизии. Летом 1942 года шесть легких пехотных дивизий были переименованы в «егерские». Войсковой цвет (цветные детали униформы – окантовка погон, головных уборов, петлицы и т. п.) егерей отличался от остальной пехоты и был таким же, как у горных егерей, – светло-зелёным. – *Пер.*)

В моем распоряжении было мало времени (восемь недель), чтобы завоевать доверие дивизии и взять в свои руки ее подготовку и командование. Обстоятельства сложились для меня благоприятно, так как в большинстве случаев речь шла о подготовленных солдатах, уже обстрелянных. Кроме того, победы и успехи на прежних театрах военных действий подняли дух офицеров и рядовых. Каждый из них делал все от него зависящее.

Показатель высокого уровня руководства – проявление командиром образцового поведения, заботы о подчиненных и справедливого отношения к ним, кроме того, опыт, знания и умения во всех областях боевой подготовки, как это бы-

ло довольно лаконично изложено во «Введении» написанного генерал-полковником Бекон «Управления войсками» (в написании этого капитального военно-теоретического труда участвовал также генерал Карл Герман Штюльпнагель, участвовавший в заговоре против А. Гитлера и казненный в 1944 г. – *Пер.*). Я не сомневался, что командир, который выделяется манерой держать себя, заботой о подчиненных и справедливостью, кажется более ценным, чем просто знаток тактики, которому не хватает таких качеств.

Прежде всего, я интересовался размещением людей, их обмундированием и снабжением, обеспечением их продовольствием (эта проблема меня всегда беспокоила). Я быстро выяснил, что в дивизии все было в порядке.

Для завершения боевой подготовки я разработал четко продуманную программу. Я сознательно ограничил боевую подготовку стрельбами и интенсивными учениями на местности. С другой стороны, я придавал особое значение тому, чтобы войска имели достаточно свободного времени: они должны были приступить к выполнению боевых задач отдохнувшими. Было непросто сочетать эти два подхода.

Я тренировал офицеров, как командиров, при помощи военных игр на карте и в ящике с песком, имитировавшем полигон, чтобы сделать их уверенными при принятии самостоятельных решений и осуществлении руководства, научить их языку приказа, технике составления приказов и доведения их до исполнителей.

В процессе боевой подготовки важным фактором была *подготовка пехотинцев*, то есть егерей. При этом к отдельно-му человеку предъявляются более высокие требования, чем в родах войск, имеющих дело с техникой. Пехотинец – это отдельный солдат в минимальном по численности подразделении, который часто может рассчитывать только на свои силы, получает массу впечатлений, должен решать отдельные задачи и принимать решения в постоянно меняющихся местности и боевой ситуации. В многосторонней программе подготовки подчеркнем только следующие пункты: наблюдение, боевая разведка, службы охранения, связи и сбора и доставки донесений, использование местности и маскировка на марше, на поле боя, в атаке, в обороне, на поле боя, бой в лесу и в населенных пунктах. Кроме того, следует добавить совместные действия с тяжелым оружием пехоты и артиллерией.

Хотя личный состав вновь сформированной дивизии в большинстве случаев состоит из подготовленных офицеров, унтер-офицеров и рядовых, ее еще нужно превратить в сплоченную боевую единицу. При этом не следует забывать, что личный состав в значительной степени состоит из людей, которые после кратковременного обучения в резервных сухопутных войсках оказались на фронте и после ранения или болезни быстро возвращались с фронта в глубокий тыл. Эти люди, естественно, не были полноценными бойцами, в еще меньшей степени инструкторами, которые должны об-

ладать знаниями, умениями, опытом и преподавательскими способностями. Основное внимание (и нужно найти время) должно быть уделено прежде всего глубокой подготовке инструкторов. Ее целесообразно проводить за день до боевых учений в рамках предполагаемых целей учений. Потом инструкторы смогут провести практическое обучение. Подготовка лучше всего проводится небольшими группами на полигоне. Учебно-тренировочная воинская часть показывает правильные и ошибочные приемы ведения боя. Все ошибки на каждой фазе имитации боя тотчас обсуждаются и исправляются. На основании этой подготовки дивизии и полков проводятся боевые учения (сначала мелкомасштабные). В этих учениях участвуют представители всех родов войск. Эти учения могут прерываться, чтобы сразу обсудить ошибки и снова правильно проиграть боевой эпизод.

Особое значение придается взаимодействию пехоты с тяжелым оружием и артиллерией. Без тесного взаимодействия невозможно вести бой. Хотя тяжелое оружие и артиллерия должны поддерживать связь с пехотой, каждый пехотный командир должен устанавливать связь с подразделениями тяжелого оружия. *Только таким образом может обеспечиваться непрерывный огонь поддерживающих средств, который подавляет или уничтожает противника.* Массированный огневой удар, часто наносимый в начале атаки, нельзя считать оправданным. Он не уничтожает противника, но указывает на время атаки и цель. Беспокоящий огонь должен

осуществляться огнем отдельных огневых точек размеренно и постоянно, причем огонь концентрируется только на цели, возникающей на короткое время.

Боевая подготовка всех родов войск должна проводиться постоянно каждый сезон, а также (и прежде всего) по ночам. Современный боец превратился в *ночное существо*. Только жесткие требования и интенсивная боевая подготовка формируют бойца, с которого нужно спрашивать.

Важнейшие главы из превосходного Устава сухопутных войск (Устав сухопутных войск 130, № 5, «Устав по боевой подготовке пехоты») я изложил *схематически* в том, что касается боевой подготовки роты и батальона. В размноженном виде они стали справочником для всех офицеров и унтер-офицеров. К сожалению, в наших тогдашних превосходно составленных инструкциях по боевой подготовке ощущался недостаток в схематической интерпретации, которая оправдала себя и способствовала единообразию боевой подготовки. Соединения всех других родов войск обучались сходным образом в соответствии с их особенностями. В артиллерии на основании моего опыта в период Первой мировой войны, наряду с занятиями на местности, по визуальной разведке и стрельбе в батарее и в дивизионе, я придавал особое значение также вводу в бой отдельного орудия и стрельбе прямой наводкой при непосредственной поддержке пехоты и борьбе с танками противника (подвижными целями). Для этого я предложил перевооружить хотя бы один

дивизион артиллерийского полка легкими полевыми гаубицами 16 (образца 1916 г. – *Пер.*), которые были легче легких полевых гаубиц 18 (образца 1918 г. – *Пер.*) со специальным лафетом и дальностью лишь на 1,5 км больше. К сожалению, это предложение было отвергнуто из-за проблемы снабжения. Теперь поставленную задачу должна была выполнять значительно более тяжелая полевая 105-мм гаубица 18. В области легкой артиллерии стрельба по карте, игравшая главную роль в подготовке в мирных условиях, должна была уступить свое место корректируемой стрельбе. Корректируемая стрельба по малоразмерной цели стала важнее. В тяжелой артиллерии основное внимание уделялось стрельбе по карте.

Тренировка *истребителей танков* заключалась в стрельбе по подвижным мишеням.

Более содержательной, насыщенной, по сравнению с боевой подготовкой пехотинцев, была подготовка *саперов*. Создание заграждений и препятствий, долговременных огневых сооружений, обезвреживание мин и неразорвавшихся снарядов и установка мин, постановка искусственной дымовой завесы, наведение понтонных мостов и строительство мостов – это лишь небольшая часть того, что требуется, помимо пехотной подготовки. Из-за нехватки сил в ходе боевых действий в качестве саперов часто использовались пехотинцы.

Наряду с пехотной подготовкой основное внимание в бо-

своей подготовке в *разведывательном отряде* уделялось разведке, наблюдению за противником и оценке обстановки, работе по сбору и доставке донесений и составлению схем.

В *тактико-специальных учениях связистов* разнообразные виды связи и передача курьерами приказов и донесений от штаба дивизии до штабов батальонов и наоборот осуществлялись в трудных условиях, чтобы службы связи и доставки приказов и донесений работали слаженно даже при сильных атаках противника. Учебные тревоги и тренировки посадок на грузовые автомобили в дневное и ночное время дополняли учебную программу. Я особенно хотел бы упомянуть учебно-тренировочные занятия по маскировке, которые должны были продемонстрировать уровень маскировки и показать, как можно, приспособившись к окружающей среде, скрыться от воздушной разведки. Я всегда придавал маскировке самое большое значение. Правда, последующие события показали, что по истечении какого-то времени войска ослабили внимание к проблеме маскировки. Пренебрежение маскировкой стоило нам многих жертв, которых можно было бы избежать. Отрабатывались также действия активной местной противовоздушной обороны – массированного огня пехоты против штурмовиков противника.

Боевая подготовка внезапно прекратилась в связи с отправкой дивизии в Словакию. Стало ясно, что дивизия перебрасывается на восток, но против кого? Мы ничего не понимали: вступление в войну с Россией, хотя это было воз-

можно, казалось нам маловероятным. Жители на станциях погрузки тепло провожали нас и желали нам удачи. Военские эшелоны уходили в неизвестность в восточном направлении. Убежденность в том, что я сделал все возможное, чтобы дивизия была боеспособной, вселила в меня уверенность в ее способности выполнить все будущие задачи. Я не должен был разочароваться в своей дивизии!

После проезда по придунайской долине Вахау в Австрии через Пресбург (словацкий город Братислава. – *Пер.*) по долине реки Ваг вверх до Зиллайна (словацкий город Жилина. – *Пер.*) мы повернули на восток и поехали по широкой и лесистой долине между Высокими и Низкими Татрами с их покрытыми снегом зубчатыми вершинами, направляясь к Прешову в Восточной Словакии, нашей цели. По пути туда мы проехали через местность, населенную ципзерскими немцами, с большими опрятными деревнями, где дома были построены из кирпича, а церкви имели мощные стены, способные выдержать осаду. Маленькие города с еще сохранившимися городскими стенами радовали наши глаза в этом чисто немецком ландшафте. В Прешове, с его характерными для Восточной Галиции чертами, я через немецкого военно-воздушного атташе генерал-майора Кайпера установил связь со словацким командиром дивизии генералом Пилвоусеком, служившим еще в австро-венгерской армии. Но даже здесь я не мог получить более подробную информацию. Тогда я возобновил боевую подготовку и тренировочные

марши. При этом была устранена некоторая нехватка техники. Истребительно-противотанковый дивизион имел в качестве тягачей для 37-мм противотанковых орудий небольшие французские гусеничные тягачи, называемые «шенилетт» (chenillette в переводе с французского языка означает «гусеничный транспортер». – *Пер.*). Эти тягачи погружались на грузовые автомобили и затем использовались на поле боя на довольно коротком расстоянии. Они не могли использоваться на длительных маршах. После установления комиссией их непригодности дивизии были переданы трофейные английские тягачи, превосходно выдержавшие испытание. Даже отряд связи был вынужден переделать для своих целей парижский развозочный автомобиль «пежо». Эти транспортные средства служили до наступления распутицы и зимы, когда дивизион должен был передвигаться на конной тяге. Я сам в течение всего периода командования дивизией не имел автомобиля повышенной проходимости и был вынужден обходиться небольшим ремонтным автомобилем марки «Опель», который, правда, превосходно зарекомендовал себя. Я перечисляю все это, чтобы показать, как неважно была оснащена легкая пехотная дивизия. Между тем наступила середина июня. Вызванный командованием 17-й армии, я отправился для доклада и выяснения обстановки. Командующим армией был генерал пехоты Генрих фон Штюльпнагель, мой бывший начальник штаба сухопутных войск, с которым я был в дружеских отношениях. Начальника его от-

дела в Генеральном штабе полковника Винценца Мюллера я хорошо знал в течение ряда лет. На мой вопрос о задаче 97-й дивизии мне было сказано лишь то, что русские собрали крупные силы в районе Лемберга (немецкое название города Львов. – *Пер.*) и что я со своей дивизией должен направиться в казармы 4-го армейского корпуса генерала пехоты Шведлера в качестве резерва армии. Больше я ничего не узнал. Затем я явился в 4-й армейский корпус и выдвинул вперед свою дивизию в район к северо-западу от Лемберга (штаб дивизии – в город Лежайск на реке Сан). Распространились слухи о демонстративном развертывании войск против русских, так как они сосредоточили слишком большие силы в районе Лемберга. Это я услышал также в артиллерийском полку, командиром которого был мой брат генерал-лейтенант Отто Фреттер-Пико – в то время полковник; его полк уже более полугода находился в Польше. О войне с Россией фактически никто не думал: ведь был же заключен пакт о ненападении! Вскоре меня вызвали в штаб 4-го армейского корпуса, где сообщили, что скоро ожидается нападение русских, которое мы должны опередить. Поэтому мы подготовились к атаке. Моей дивизии следовало сначала находиться в корпусном звене резерва армии. Я должен был передать всю мою артиллерию 71-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Хартмана (погиб в бою) и взаимодействовать при прорыве сильных русских пограничных укреплений. Так как я с давних пор отвергал половинчатость, то передал свой артил-

лерийский полк под командованием полковника Приннера в ведение генерал-лейтенанта фон Хартмана. Все же я все подготовил, чтобы после удачного прорыва сразу вернуть в свою дивизию артиллерийский полк.

Итак, время пришло! Дивизия хорошо замаскировалась от воздушной разведки. Удрученные, мы все чувствовали, что все же Германии придется вести войну на два фронта. Однако искусная пропаганда и обращение Верховного главнокомандующего вермахта (Адольфа Гитлера. – *Пер.*), престиж которого был тогда высоким после победоносных кампаний на Западе и на Балканах, убедили войска и их командный состав в том, что Германия действовала в порядке самообороны. Утверждалось, что если бы мы не атаковали, большевики опередили бы нас. Ради защиты западной культуры и Европы мы должны были выступить и победить большевиков. Все попытки заключить мир с англосаксами потерпели неудачу. Изменнически сотрудничая с Англией, Советский Союз нарушил пакт о ненападении. Америка снабжала деньгами и оружием. Чем дольше выжидала бы Германия, тем больше ухудшалось бы ее положение. Эта интерпретация приказа на наступление 22 июня 1941 г. внесла ясность для войск и их командного состава. Германские войска на Востоке с небывалым воодушевлением изготовились к наступлению, будучи уверенными в необходимости этого наступления, как и борьбы за Германию и Европу против большевистского колосса на мистическом бесконечном восточном

пространстве, незнание которого действовало угнетающе.

Противник на обширном пространстве Востока

Советский солдат – дитя природы, физически очень сильный, очень неприхотливый и выносливый. Пшено и семечки подсолнечника в льняных сумках позволяли ему целыми днями обходиться без подвоза продовольствия. Он знает свою страну и ее особенности, привык к трудностям и умеет их преодолевать. Он менее приспособлен действовать в одиночку, и его лучше использовать при массовом вводе в бой. Он нуждался в постоянном контроле командирами. Советский солдат превосходно умеет использовать местность в зависимости от времени года. Даже днем он незаметно проникает в известные ему исходные районы или плацдармы. Разведывательные группы передвигаются очень умело. Особенно опасен советский солдат в сумерках и ночью. Осуществляя днем и ночью активную разведывательную деятельность и частные атаки, он беспрестанно тревожит противника. Советские солдаты пытаются ввести его в заблуждение относительно своих намерений, чтобы потом провести атаку там, где ее меньше всего ожидают. За успехами ночных частных атак могут быстро последовать массовые атаки! При непосредственной поддержке танков и под воздействием алкоголя советский солдат смело идет в атаку, хотя действует на-

пролом и слабо маневрирует. При неудачной атаке советский солдат быстро отказывается от нее. Его должны гнать снова в бой командир и беспощадный комиссар. Оборону и отход советский солдат осуществляет искусно и оказывает при этом особенно ожесточенное сопротивление. С почти природным инстинктом он окапывается в боевой обстановке в кратчайший срок и великолепно маскируется. Привлекая все вспомогательные средства, он довольно быстро строит крупные, эшелонированные в глубину позиции полевого типа, чтобы оказать упорное сопротивление. Оказавшись в окружении, он, с точки зрения управления войсками, становится ненадежным и нерешительным. Все же он старается вырваться из окружения, прежде всего ночью, всеми способами: бесшумно, бросив тяжелое оружие, он прорывается в большинстве случаев там, где фронт окружения наименее плотный.

Политическое руководство, несомненно, признало ценность воинских традиций. В отечественной военной мысли и политработе был сделан акцент на славных делах русской армии в прошлых войнах. Восстановление знаков различия царской армии свидетельствовало о возобновлении связи с традицией. Ту же цель преследовало признание церкви, которая пользовалась влиянием в сельской местности. Только таким образом Советы смогли выстоять в Отечественной войне. Показательной была пропаганда – оружие, более опасное, чем оружие массового уничтожения. Как мож-

но было установить из захваченных школьных учебников немецкого языка, Советы уже до войны вели активную политику, направленную против немецкого народа. Хотя вначале немецкого солдата почти везде приветствовали как освободителя (предатели и недовольные властью – как правило, небольшая часть населения. – *Ред.*), неправильное обращение с военнопленными (так автор называет зверское обращение, из-за которого умерло от голода и холода, а также было расстреляно более половины из около 2,5 млн попавших в плен в 1941 г. – *Ред.*) эффективно использовалось в антигерманской пропаганде в ходе беспощадной партизанской войны. К этому следует добавить притеснение гражданского населения на оккупированной территории гражданской администрацией, так что настроение местного населения изменилось и вскоре немцев начали ненавидеть.

С другой стороны, у сельского населения осталась добрая память о немецком солдате благодаря его хорошему поведению. («Хорошее поведение немецкого солдата – это сожженные заживо жители тысяч деревень России, Белоруссии, Украины, зверские акции умиротворения партизанских районов, 7 млн 420 тыс. преднамеренно истребленных на оккупированной территории и еще 4 млн 100 тыс. погибших от жестоких условий оккупационного режима. – *Ред.*)

Вооружение советской армии было хорошим, одежда и снаряжение – превосходным, в значительной мере американского происхождения. То же можно сказать о транс-

порте, а также боевых машинах, в части которых благодаря более простой системе стандартизации СССР нас существенно опередил. Советские танки отличались очень высокой проходимостью, хотя оптика вначале не была качественной. Артиллерийские орудия были дальнобойными и по конструкции безукоризненными. Очень хорошие характеристики имели в высшей степени простые по конструкции и дальнобойные минометы, нашедшие массовое применение. «Сталинские органы» («катюши». – *Пер.*) оказывали скорее моральное воздействие. Благодаря особой летней одежде и зимней одежде, утепленной ватой, и валенкам советский солдат, приспособленный к каждому сезону и метеорологической обстановке, оставался боеспособным.

Особенно следует подчеркнуть *искусство импровизации Советов*, вне зависимости от того, идет ли речь о быстрой перегруппировке, о сооружении зимних и подводных мостов или о быстрой прокладке железных дорог вровень с землей и движении поездов вслед за этим. Все отличается простотой – в соответствии с сообразительностью советского солдата, природными условиями его страны, но также решительностью в использовании в войне людских ресурсов.

Сопrotивлению противника способствовали не только неисчерпаемый людской резерв (обычное преувеличение – после того как на оккупированных территориях оказалось 74 млн чел., в распоряжении советского руководства осталось менее 120 млн – меньше, чем у Германии и ее союзни-

ков. – *Ред.*), огромные размеры страны и особенности природы, материальная помощь союзников, но и распыление сил Гитлером и бессмысленная «стратегия запрета на отступление» при нехватке сил! В начале войны приблизительно до 1942 г. по тактической и оперативной подготовке советские войска намного уступали германским. Несмотря на наличие удивительно хорошо составленных уставов, средний и низший офицерский корпус пока еще не обладал способностью к восприятию и не был достаточно интеллектуально развит, чтобы осмыслить эти уставы. Позже подчеркивалось, что противник использовал военный опыт как в тактическом плане, так и в стратегическом. Благодаря хорошей наблюдательности и интуиции в выявлении главного, существенного, он добился ощутимого прогресса. После первоначально «систематической» подготовки операций русские научились при оперативных прорывах намечать цели со сосредоточиванием сил и средств на направлении главного удара и глубокими охватами флангов. Это особенно проявлялось при танковых ударах. Артиллеристы противника научились очень гибко применять массированный огонь.

Таковыми были советский солдат и совершенствование его боевой подготовки в последнюю мировую войну. Он в значительной мере воспринял немецкие принципы управления войсками и немецкую боевую подготовку при отказе от любого закостенелого схематизма, который так легко может привести к гибели. Благодаря стойкости советского солдата,

дальнейшему развитию техники и повышению уровня образования и боевой подготовки Советский Союз добился успеха во Второй мировой войне, превратившись в один из главных военно-политических факторов на международной арене.

I

Легкая пехотная дивизия в бою.

Разгром советской танковой дивизии под Магеровом. 25–26 июня 1941 г.

Не прошло и недели после начала войны на Востоке, как 97-я легкая пехотная дивизия, подчиненная 4-му армейскому корпусу в составе 17-й армии, уже углубилась в Галицию к северо-западу от Лемберга (Львова). Прорыв осуществлялся с тяжелыми боями через хорошо оборудованные пограничные укрепления с проволочными заграждениями, минными полями, бетонными блоками. После успешного прорыва развернулась ожесточенная борьба с очень хорошо оснащенными и вооруженными советскими войсками сильной группировки войск вокруг Лемберга. Наступление началось и должно было развиваться.

Однако скоро произошла неожиданная задержка. Разведка дивизии установила 25 июня 1941 г. доселе неизвестного противника. Большое количество хорошо замаскированных советских танков находилось в полосе продвижения к северо-западу от Лемберга. К северу от дивизии большие силы противника в городе Рава-Русская были окружены 4-м армейским корпусом (генерал пехоты фон Шведлер), так что учитывалась возможность вступления в бой танков против-

ника.

Итак, здесь противостояли друг другу немецкая легкая пехотная дивизия и сильная русская танковая группировка. Для борьбы с танками легкая пехотная дивизия располагала лишь 37-мм противотанковыми орудиями. Кроме того, дивизия могла рассчитывать на приданные ей легкие гаубицы и батарею 88-мм зенитных орудий. Дивизия не обладала штурмовыми орудиями или танками сопровождения. Два неравных противника должны были помериться силами. Танковое сражение под Магеровом завершилось победой немецкой легкой пехотной дивизии! (см. примечание дальше – автор сильно преувеличивает. – *Ред.*) Рава-Русская не была заблокирована 8-й русской танковой дивизией, которая была полностью уничтожена.

Быстро и энергично действуя, 204-й егерский полк 97-й легкой дивизии (командир полка полковник Хайкаус, пал в бою) занял высоту, расположенную впереди Магерова в юго-восточном направлении. Отсюда хорошо просматривалась территория противника и могла осуществляться разведка. Превосходные артиллерийские наблюдательные пункты позволяли наносить неожиданный массированный огонь по различимым, но хорошо замаскированным исходным позициям танков. Вспышки пламени и столбы дыма указывали на прямые попадания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.